

АРИНА РОЗ

(НЕ)ИДЕАЛЬНАЯ
СЕМЬЯ

18+

Арина Роз (Не) Идеальная семья

<https://litres.ru/73954284>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Анны жизнь, которую многие назвали бы счастливой: муж, двое детей, уютный дом и уверенность в завтрашнем дне. Но за внешним благополучием скрывается совсем иная реальность. Правила, притворные улыбки и страх, который стал привычным. Каждый день ей приходится делать выбор: смириться или найти силы бороться.

Ведь именно семья, ее ценность и единство, становятся настоящей проверкой, когда привычный мир рушится.

Это история о том, как боль и испытания могут стать началом пути к настоящим семейным ценностям: доверию, поддержке и любви, которые передаются через поколения.

Содержание

Глава 1. «Записка» (Олег)	4
Глава 2. «Следы» (Анна)	15
Глава 3. «Идеальный сын» (Олег)	28
Глава 4. «Попытка» (Олег)	38
Глава 5. «Дети» (Олег)	51
Глава 6. «Передышка» (Анна)	62
Глава 7. «Свидание» (Олег)	74
Глава 8. «Возвращение» (Анна)	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

(Не) Идеальная семья

Глава 1. «Записка» (Олег)

Ключи звякнули в кармане, когда я остановился возле почтовых ящиков на первом этаже панельной девятиэтажки. Обычно я проверял почту раз в неделю — в основном там лежали счета за коммунальные услуги и рекламные листовки. Но сегодня что-то заставило меня заглянуть в ящик под номером «32».

Среди обычного мусора — предложений с кредитами, скидками, сантехникой — оказался небольшой конверт. Самый обычный, канцелярский, какие продают в любом магазине за три рубля. На лицевой стороне аккуратным женским почерком выведено: «Кравцову Олегу Петровичу».

Кто в наше время письма пишет? Все через мессенджеры общаются, электронную почту. Бумажная корреспонденция — это прошлый век, разве что пенсионеры еще так делают.

Повертел конверт в руках. Бумага обычная, офисная. Почерк, похоже, женский, каллиграфический. Палочки ровные, буквы одинаковой высоты. Любопытство взяло верх — вскрыл, развернул сложенный вдвое листок.

«Твой брат избивает меня и детей. Помоги. Анна».

Я застыл посреди подъезда, держа в руках этот проклятый листок. Перечитал еще раз. Потом еще.

— Чушь какая-то, — пробормотал я, оглядываясь.

Сергей? Мой старший брат, гордость семьи, успешный предприниматель? Тот самый Сережа, который никогда голоса не повышал, жене цветы дарит без повода и детей в Диснейленд возит? Сережа избивает семью? Это звучало как бред сумасшедшего.

Чертов лифт опять сломался. Пришлось подниматься на восьмой этаж пешком, и каждая ступенька отдавалась болью в пояснице. В тридцать два уже чувствуешь себя развалиной — спасибо авиазаводу. Каждый день над чертежами горба-тишься, плечи затекают, спина ноет.

Дома я достал записку при нормальном свете — перечитал. Почерк определенно женский, аккуратный. Но это просто не могло быть правдой.

— Это розыгрыш, — сказал я своему отражению в зеркале прихожей. — Полнейший бред.

Но кто мог так меня разыграть? У меня нет врагов — коллеги уважают, с соседями отношения нейтральные, друзей немного, но все серьезные люди. Подобные шутки не в их стиле. К тому же, кто знает про мою семью так много?

Пошел на кухню, включил плиту, поставил разогреваться вчерашний борщ. Руки делали привычные движения — автоматически нарезали хлеб, доставали сметану из холодильника, но мысли были совсем не о еде.

«Соберись, думай логически», — приказал я себе, помещивая борщ.

Первый вариант: эмоции. Может, супруги поругались, и Аня в сердцах написала глупость, о которой сейчас жалеет? Такое бывает — люди в момент злости говорят и делают всякую чушь. Возможно, Сережа накричал на нее или хлопнул дверью, толкнул плечом, а она восприняла как «избиение».

Второй вариант: проблемы с психикой. После родов женщины иногда... ну, бывает у них. Послеродовая депрессия, гормональные сбои. Может, она преувеличивает обычные семейные конфликты, видит угрозу там, где ее нет.

Третий вариант: месть. У Ани могли быть обиды на Сергея — не связанные с физическим насилием — и она решила его «наказать», написав такую записку. Обиженные женщины способны на многое.

Каждое объяснение звучало разумнее, чем... чем то, что не укладывалось у меня в голове.

Налил борщ в тарелку, но есть не хотелось — аппетит пропал начисто. Оставил почти нетронутым, прошел в гостиную.

Сел в кожаное кресло — подарок родителей на новоселье пять лет назад. Единственная дорогая вещь в моей скромной квартире. Остальная мебель из ИКЕА, самая простая.

Я закрыл глаза, позволил воспоминаниям унести в детство. Мне семь лет, местная шпана отобрала новую машинку — подарок на день рождения. Пришел домой в слезах, размазывая сопли по лицу. Серега, которому тогда было одиннадцать, молча выслушал мой рассказ, взял за руку и повел

во двор.

Не просто машинку вернул — так поставил обидчиков на место, что больше ко мне не приставали. Вообще никогда, до самого окончания школы. Один раз показал, кто тут старший, и все поняли: трогать Олега и Сережу Кравцовых себе дороже.

— Никого не бойся, — сказал тогда. — Если что, я всегда рядом.

В школе он был звездой. Капитан волейбольной команды, отличник, любимец девочек и учителей. Все хотели с ним дружить, все им восхищались. А я был «братишкой Сережи Кравцова» — серой мышью, нелюдимым зубрилой-математиком.

Но Серега никогда своими успехами не кичился. Помогал с уроками, когда я не понимал что-то — в химии и биологии я полный профан. Учил кататься на велосипеде, терпеливо придерживая, пока не научился держать равновесие. «Отстаньте от него! Он еще маленький, всему научится», — защищал от нападок родителей, когда они сравнивали нас.

Когда он поступил в университет, я скучал по брату. Дом стал каким-то пустым без его громкого смеха, без друзей, которые постоянно к нему приходили. И там его ждал успех — красный диплом, научные работы, стажировки в крупных компаниях. Девушки менялись как перчатки. Пока где-то на улице, по дороге с очередного объекта, он не встретил Анну.

Боже мой, как он светился, когда впервые привел ее до-

мой! Хрупкая второкурсница филологического факультета с огромными серыми глазами и застенчивой улыбкой. Тоненькая, изящная, в простом голубом платье, которое подчеркивало ее природную красоту.

— Олег, — сказал мне тогда брат, отведя в сторону, — я так ее люблю, что готов ради нее на все. Сделаю ее самой счастливой женщиной на свете!

И он сдержал слово. Роскошная свадьба в лучшем ресторане города, на которую потратили несколько миллионов. Белое платье за сто тысяч, кортеж из десяти машин, банкет на двести человек. Родители окончательно потеряли голову от старшего сына. Теперь у них был не только успешный бизнесмен, но и «прекрасная невестка».

— Посмотри, какую жену Сережа нашел! Красавица, умница, из хорошей семьи. А ты когда остепенишься? — долбили меня на каждом семейном празднике.

Рождение Вики превратило родителей в фанатиков. Носились с внучкой как с хрустальной вазой, покупали игрушки, читали книги по воспитанию. Сергей стал «лучшим папой на свете». Менял подгузники, вставал по ночам к плачущему ребенку, читал сказки. Через три года появился Артем — родительский восторг удвоился.

Надо признать, брат действительно был отличным отцом. На семейных праздниках гордо показывал фотографии детей, рассказывал об их достижениях, планировал семейные поездки. Идеальный семьянин, каким его все и видели.

Как такой человек мог поднять руку на жену и детей?

Хотя... если вспомнить последние встречи с семьей... Анна всегда была тихой — это правда. Но она стала буквально незаметной. На семейных посиделках почти не разговаривала, только кивала и соглашалась. И постоянно извинялась за каждую мелочь.

А дети... Вика и Артем были образцовыми. Тихие, послушные, всегда аккуратно одетые. Никогда не капризничали, не баловались, слушались с полуслова. За столом сидели как статуэтки, ели аккуратно, ничего не проливали. А когда отец к ним обращался — буквально каменели. Замирали, как мышки при виде кота.

Может, это просто хорошее воспитание? Сергей всегда был педантом, любил порядок и дисциплину. Естественно, что требует того же от детей.

Я продолжал сидеть в кресле, напрягая память. Тот случай... месяц назад, день рождения отца. Вика случайно опрокинула стакан с соком. Обычное дело — ребенок что-то пролил. Все засмеялись, мать побежала за тряпкой.

Но я запомнил лицо Сергея в тот момент. На мгновение в его глазах полыхнула такая ярость, что мурашки побежали по спине. Он тут же взял себя в руки, даже пошутил: «Ничего страшного, дочка, бывает». Но я же видел. Видел этот взгляд.

А Аня... Она бросилась вытирать стол так, словно произошла катастрофа. Извинялась, суежилась, руки тряслись. Чуть не плакала из-за пролитого сока.

Может, я что-то упустил все эти годы? Может, за красивым фасадом успешной семьи скрывалось что-то другое?

Хотя здравый смысл подсказывал, что это бред, крохотное зерно сомнения закралось мне в голову.

Три дня я мучился сомнениями. На работе не мог сосредоточиться, дома ходил как зверь в клетке. Записка лежала в ящике стола, а я по несколько раз на дню доставал ее и перечитывал.

В четверг не выдержал. Позвонил Anne утром, когда Сергей точно был в офисе.

— Алло? — раздался знакомый тихий голос.

— Аня, привет, это Олег.

— Олег? — в голосе прозвучало удивление. — А... привет. Что-то случилось?

— Все хорошо. Я просто... мне нужно с тобой поговорить. Это важно.

Молчание. Долгое, тягучее молчание.

— О чем поговорить? — наконец спросила она, и в голосе появилась осторожность.

— Не по телефону. Можем встретиться? Сегодня, после твоей работы?

Еще одна пауза.

— Где?

— В парке рядом с детской школой. В четыре часа, подходит?

— Я... — Анна колебалась. — А нельзя по телефону?

— Поверь мне, это важно. И лучше поговорить с глазу на глаз.

— Хорошо. В четыре в парке.

Добрался до места раньше назначенного времени минут на десять. Парк оказался небольшим — несколько дорожек, детская площадка, пруд с утками. На площадке играли малыши с мамами, школьники еще не пришли.

Я выбрал скамейку в стороне от детской зоны, купил в кофейне два стаканчика кофе и стал ждать.

Ровно в четыре у входа в парк появилась знакомая фигура. Аня шла быстро, часто оглядываясь через плечо. Была одета просто — темная куртка, джинсы, кроссовки. Волосы собраны в хвост, на лице солнцезащитные очки, хотя солнца не было.

Я встал со скамейки, помахал рукой. Аня заметила меня, кивнула и направилась в мою сторону. Шла осторожно, готовая в любой момент развернуться и уйти.

— Привет, — настороженно сказала она, подойдя к скамейке.

— Привет, спасибо, что пришла, — ответил я и протянул ей стаканчик. — Кофе будешь?

Анна покачала головой, но все же взяла напиток. Села на край скамейки, держа дистанцию, сумочку сжимала в руках, как щит.

— Ну, говори, что случилось. — Аня отпила кофе. Меня насторожило, что она не сняла очки.

— Слушай... как дела вообще? На работе нормально? — начал я издалека.

— Все нормально. — Она удивленно вскинула брови. — Ты же не о работе хотел поговорить?

— Аня, — начал я осторожно, — я получил твою записку.

— Какую записку? — голос ее стал жестче.

Я достал из кармана куртки сложенный листок бумаги. Она опустила глаза на записку и дрожащими руками поставила стакан на лавку.

— Что это? — спросила она.

— Это лежало в моем почтовом ящике, — тихо сказал я, не делая попытки развернуть бумагу.

Она молча взяла у меня письмо, развернула и прочитала.

— Я не писала эту записку, — сказала она твердо, но голос дрожал. — Понятия не имею, кто это сделал.

— Аня...

— Это не я! — громко сказала она. — Может, кто-то просто пошутил...

— Аня, я на твоей стороне, — тихо сказал я. — Если что-то не так, я могу помочь. Я не враг. И хочу понять, что происходит. Если ты или дети в опасности...

— Никто не в опасности! — резко сказала она, но тут же спохватилась, оглянулась. — Все хорошо. Это... это недоразумение.

— Какое недоразумение?

Аня сидела, глядя в землю, и то открывала, то закрывала

рот, как рыба, но так ничего и не сказала.

— Аня, посмотри на меня, — попросил я. — Сними, пожалуйста, очки.

— Зачем?

Она подняла голову. Даже сквозь темные стекла я видел ее пронзительный взгляд.

— Я никому не скажу, — пообещал я. — Что бы ты ни рассказала, останется между нами. Но мне нужно знать правду.

Анна медленно стянула очки, и я увидел ее лицо полностью. Усталые глаза, синяки под ними — не то от недосыпа, не то от слез. Она выглядела старше своих двадцати восьми лет.

— Аня, — я осторожно коснулся ее руки, — если тебе когда-нибудь понадобится помощь — любая помощь, — ты знаешь мой номер.

— Мне не нужна помощь, у меня все в порядке! — она одернула руку. — И прошу тебя, забудь про эту дурацкую записку. Лучше для всех будет.

— Для кого «для всех»?

— Для всех, — повторила она и быстро пошла к выходу из парка.

— Аня, подожди! — крикнул я, но она бегом пустилась от меня.

Я остался сидеть на скамейке, сжав в руке злосчастную записку, и, взглянув на урну, куда должен был отправиться ко-

мок бумаги, я задумался. Хотя Аня и отрицала свое участие в ее написании, поведение ее показалось мне странным.

Записку я не выбросил, а сунул обратно в карман куртки. Скорее всего, это действительно чья-то глупая шутка. Но последовать совету Ани и забыть об этом я мог. В воскресенье будет очередной обед у родителей. Сережа с семьей обязательно приедут: эта традиция для него свята. Понаблюдаю за ними внимательнее, без предвзятости. Я встал со скамейки и побрел к выходу из парка.

Глава 2. «Следы» (Анна)

Я быстро шла от парка, все время оглядываясь. Дыхание спирало. Что я наделала? Господи, что я наделала! Если Сережа узнает... если он узнает!..

Машины мужа во дворе не было — значит, еще на работе. «И слава Богу, — подумала я, — есть время прийти в себя». Дети уже были дома, свекровь забрала их из школы и сада, но остаться с ним не смогла.

Войдя в лифт, я взглянула на себя в зеркало и увидела в отражении измученное бледное лицо, красные от слез глаза и растрепанные волосы. Так нельзя показываться детям.

Я достала из сумочки влажные салфетки, стерла следы слез, поправила волосы, расправила куртку. Попробовала улыбнуться, но получилось криво, как-то неестественно. Попробовала еще раз.

«Так-то лучше», — сказала я себе.

Репетировала: «Привет, мои дорогие! Как дела?» Пойдет, никто даже не заметит. Никто не должен догадаться, что я только что чуть не предала семью.

А ведь это и было предательством. Я рассказала семейные тайны чужому человеку. Да, Олег — деверь, но все равно чужой. Муж никогда мне этого не простит.

Я глубоко вдохнула, а затем выдохнула. Поднявшись на этаж, привычно звякнула ключами в замке и вошла в квар-

тиру. Из детских комнат до меня донеслись голоса детей — Вика вслух считала, а Артем, пыхтя и приговаривая, во что-то играл. Я только успела повесить куртку, как в коридор выскочил сын и крикнул:

— Мама пришла!

Я подхватила его на руки, зарылась лицом в его мягкие волосы.

— Как дела, солнышко? Что делаешь?

— Строю замок для принцессы! — Слезая с рук, гордо объявил он и потянул за собой в детскую. — А ты где была? Мы тебя ждали.

— На работе задержалась, — легко соврала я. — А чем занимается Вика?

— Говорит, математика не получается.

Я прошла в детскую. Вика сидела над тетрадью, сосредоточенно что-то считая. Кудряшки растрепались и лезли в глаза — точь-в-точь как у меня в ее возрасте. На розовой щечке красовалась синяя полоса от ручки.

— Привет, моя умница. Помочь?

Вика подняла голову, и я увидела в ее глазах напряжение, которое, на мой взгляд, было вызвано вовсе не математикой.

— Мам, а папа скоро придет? — тихо спросила она.

— Не знаю, родная. Может, задержится на работе. А что?

Тут мне показалось, что в глазах дочери промелькнула надежда. Мое сердце сжалось от боли. Говорят, что дети всегда все понимают и чувствуют. И особенно на них отражается

настроение матери.

Пока дети были заняты, я прошла в ванную — единственное место в доме, где я могла расслабиться на несколько минут. Заперев дверь на замок, я закатала рукава, чтобы вымыть руки. На левом запястье желтел старый синяк — Сережа схватил меня за руку, когда я неправильно поставила тарелки в посудомойку. На правом плече под кофтой тоже темнело свежее пятно — вчерашний «урок» за то, что забыла купить ему сигареты.

Достав из аптечки тональный крем, я принялась маскировать следы «воспитательной работы» мужа. Аккуратно замазала синяки и растушевала границы. Теперь в зеркале отражалась обычная усталая женщина, а не жертва домашнего насилия.

Спина все еще болела там, где он толкнул меня в стену три дня назад. Взяла из аптечки две таблетки обезболивающего, запила водой из-под фильтра. Лекарства кончались быстро — приходилось покупать без рецепта в разных аптеках, чтобы не вызывать подозрений.

На кухне я принялась готовить ужин — спагетти с мясным соусом, любимое блюдо мужа. Руки совершали автоматические движения, а голова была занята воспоминаниями.

Когда все это началось? Кажется, после рождения Вики. До этого Сережа был идеальным мужем — цветы без повода, романтические ужины, нежные слова. Я думала, что нашла принца из сказки. Он даже ходил со мной на партнерские

роды, три дня не отходил от моей постели, кормил с ложечки, читал книги вслух. Привозил цветы каждый день — разные, чтобы в палате всегда пахло весной.

Но после выписки из больницы мужа как подменили, он стал раздражительным и придирчивым. Говорил, что я плохо слежу за ребенком, в доме беспорядок, а я располнела и стала некрасивой.

Первый удар был «случайностью». Двухмесячная Вика плакала всю ночь, я качала ее на руках, но никак не могла успокоить. У Сережи на следующий день была важная встреча, нужно было выспаться, и, конечно, от детского плача он никак не мог уснуть. В один момент он вскочил и попытался вырвать ребенка из рук, но я не отдала — испугалась, что он может навредить ей.

— Дай сюда, ты не умеешь! — рявкнул он и оттолкнул меня.

Падая, я ударилась спиной о комод. Острый угол врезался между лопатками, в глазах от боли заплясали искры, а за ними брызнули и слезы. Муж тут же спохватился и бросился помогать подняться: «Боже, Анечка, прости! Я не хотел, просто нервы на пределе».

На следующий день я получила огромный букет белых роз, извинения и клятву, что это больше никогда не повторится. И я поверила.

«Никогда» продлилось всего месяц.

Мрачные воспоминания прервала дочь, появившаяся на

кухне с тетрадкой по математике.

— Мам, помоги. Задача не решается.

Я отложила нож, которым резала помидоры, и склонилась над тетрадью. Обычная задачка про яблоки и груши.

— У продавца в одном ящике сорок килограммов яблок, а в другом ящике — десять. Он продал два килограмма яблок...

Тут я заметила, что Вика смотрела не в тетрадь, а на меня. Внимательным и мудрым не по годам взглядом.

— Мам, ты плакала?

Сердце мое екнуло.

— Да, солнышко, я же лук резала.

— А почему ты поздно пришла?

— Работы было много. Один очень известный профессор пишет диссертацию — это такая сложная письменная работа. Так вот я помогала ему искать необходимую литературу, — соврала я.

Вика кивнула, но в ее глазах осталась тревога. И я ненавижу себя за то, что лишаю их детства.

— Давай лучше задачу решим, — сказала я, приобняв дочку. — А потом мультик посмотрим перед ужином.

В половине седьмого я начинаю готовиться к приходу мужа. У меня отработанный до мелочей алгоритм — как встретить его так, чтобы не дать повода для недовольства.

Проверяю квартиру комнату за комнатой: игрушки убраны в корзины, обувь стоит ровными парами в прихожей, на

полках нет пыли. Сережа не выносит беспорядка и может сорваться из-за любой мелочи вроде следов детских ладошек на зеркале шкафа.

Заглянула к детям — Вика доделала домашнее задание и смотрела мультфильм, тетради аккуратно сложила на столе, Артем тихо играл.

— Папа придет, и сядем ужинать. Не забудьте помыть руки!

В спальне приготовила ему домашнюю одежду — чистую футболку, спортивные брюки и тапочки. В ванной все на месте: любимый шампунь мужа, свежие полотенца для лица, тела и ног.

В семь вечера послышался звук ключей в замке. Сердце подпрыгнуло к горлу, хотя я готовилась к этому моменту полчаса.

— Папа пришел! — крикнул Артем и побежал в прихожую.

Я вышла следом, натянув улыбку жены, которая рада видеть мужа после тяжелого трудового дня. За годы брака научилась изображать радость так убедительно, что сама иногда верю в свое семейное счастье. Хотя бывшие подруги говорили, что мне очень повезло с мужем и я за ним как за каменной стеной, а ведь общение с ними прервалось как раз из-за Сережи. По его мнению, они на меня плохо влияли.

— Привет, любимый, — сказала я, помогая ему снять пиджак. — Как дела? Устал?

Сергея выглядел довольным. Обнял меня одной рукой, другой взъерошил волосы сыну.

— Нормально. День удачный был, контракт подписали, — он принюхался. — Чем так вкусно пахнет?

— Спагетти с мясным соусом, как ты любишь, — улыбнулась я.

— Супер. — Он поцеловал меня в щеку. — Дай переодеться, и за стол.

Пока он переодевался, мы с детьми старались быстро и красиво накрыть на стол: Артем разложил салфетки и хлеб, Вика расставила стаканы для компота, я же занялась тарелками.

За ужином муж рассказывал о новом проекте на работе, перспективах и планах на расширение бизнеса. Я любила дни, когда он возвращался в хорошем настроении.

— А как ты день провела? — спросил он, накручивая спагетти на вилку.

— Всего пару раз за день присела, — ответила я, стараясь говорить непринужденно. — Студенты толпами приходят за какой-то древней, еще не оцифрованной литературой. Учебный год...

— Хорошо, — перебил меня муж и одобрительно кивнул. — Ребята, а у вас как дела?

— Вика контрольную по математике писала, получила четверку. Артем в садике сделал из листьев поделку для конкурса «Золотая осень», — ответила я за детей.

— Четверка? — Сережа нахмурил брови. — А почему не пятерку?

Вика съежилась на стуле, и я почувствовала, что атмосфера накаляется.

— Там задача сложная была, — быстро ответила я. — Учительница сказала, что половина класса не справилась.

— Ясно, — он посмотрел на дочь. — В следующий раз старайся лучше. Понятно?

— Да, папа, — едва слышно ответила она.

Ужин продолжился спокойно, но я заметила, что дети как-то поникли.

После ужина я убрала со стола и принялась мыть посуду. Из гостиной доносились звуки телевизора: Сережа смотрел новости. Дети расположились на ковре с конструктором, Артем что-то увлеченно строил, а Вика помогала ему, терпеливо объясняя, куда какую деталь поставить.

Вечер как вечер. Если не считать того, что я мысленно отсчитывала время до того момента, когда все лягут спать, и я смогу наконец выдохнуть.

— Ань, — окликнул меня Сергей, — иди сюда.

Я вытерла руки полотенцем и подошла к дивану.

— Садись. — Он похлопал рукой рядом с собой. — Ты в курсе, что наш сын сегодня подрался в саду?

— Как подрался? С кем? — я опешила. — Он мне ничего не говорил. И воспитательница тоже.

— Марина Викторовна мне написала. Артем дал сдачи ка-

кому-то мальчишке, который его толкнул, — в голосе Сережи слышалась гордость. — Молодец, не дал себя в обиду.

Марина Викторовна — немолодая воспитательница с тридцатилетним стажем, которая таяла при каждой встрече с Сережей. Она не скрывала восхищения моим мужем. На родительских собраниях обращалась исключительно к Сереже. Ко мне же относилась холодно, по-моему, у нее даже моего номера нет, когда бы я ни позвонила или ни написала, Марина Викторовна спрашивала, кто это.

— Сережа, но драться нехорошо...

— Может и нехорошо, — он повернулся ко мне. — Но мужчина должен уметь постоять за себя. Или ты хочешь вырастить из него тряпку?

— Я не это имела в виду. Просто можно же по-другому решать конфликты...

— По-другому? — усмехнулся он. — Предлагаешь поговорить по душам с обидчиком? Аня, ты живешь в розовых очках. В реальном мире сила решает.

Я промолчала, понимая, что спорить бесполезно.

— Завтра похвалю пацана, — продолжил муж, переключая канал. — Пусть знает, что папа им гордится.

В десять вечера мы начали укладывать детей. Я читала Артему сказку про трех поросят, а Сережа проверял у Вики дневник.

— Математику выучила? — спрашивал он, ведя пальцем по предметам.

— Да, папа.

— А стихотворение?

— Тоже выучила.

— Молодец. Завтра получишь пятерку, и я куплю тебе куклу.

Дочка кивнула, но я заметила, что перспектива получить новенькую игрушку ее совсем не радовала. К восьми годам она, похоже, стала понимать, что подарки от папы всегда шли в комплекте с некими условиями и, конечно, с угрозой их отобрать за малейшую провинность.

Уложив детей, я прошла в спальню, а Сережа отправился в душ. Я села на кровать и сделала вид, что читаю. На самом же деле размышляла о сегодняшнем дне, о разговоре с Олегом и о том, что меня ждет завтра.

Муж вышел из ванной, лег рядом. Он обнял меня и поцеловал в шею.

— Устала сегодня? — спросил он мягко.

— Немного.

— Ложись, отдыхай.

Я отложила книгу, выключила лампу и легла на бок. Сережа прижался ко мне спиной, и я услышала, как его дыхание стало тихим и ровным.

А я лежала в темноте и никак не могла заснуть. Меня одолевали не только тревожные мысли о моем будущем и будущем детей, но и ужасные воспоминания.

Этой весной Вика пришла из школы расстроенная. Помо-

гая ей раздеться, я пыталась выяснить, что случилось.

— Мам, все девочки смеются, — всхлипывала дочка. — Мария Павловна спросила, что с моей обувью. А Катя Волкова сказала, что папа у меня жадный.

Я сняла с нее ботинок и увидела, что подошва треснула пополам, а носок промок насквозь. Сердце сжалось от ужаса. Если Сережа узнает, что его обсуждают в школе...

В попытках успокоить дочь и убедить ее все равно пойти завтра в школу, я совсем забыла о ботинках, которые остались лежать в пакете в прихожей, где обычно, как и во всей квартире, не было ничего лишнего. Поэтому розовый пластиковый мешок возле пуфика привлек внимание Сережи.

— Что это у Вики с ботинками? Почему моя дочь в рваньё ходит?

— Я... я не заметила, что они так быстро износились.

— Не заметила? — взревел он. — Моя дочь позорит семью, а ты не заметила?

— Успокойся, я завтра же схожу в магазин...

— Завтра? А сегодня что люди подумали? — голос его стал тише, но яростнее.

В голову почему-то пришло только: заполняла отчет по приемке литературы, все мысли были об этом. Но он схватил меня за плечи:

— Из-за твоей невнимательности люди думают, что я экономлю на собственном ребенке! — процедил он сквозь зубы.

Я снова попыталась поспорить, но резкий удар пришелся

точно под ребра — туда, где никто не увидит синяков.

На следующий день я взяла его карту и купила Вике самые дорогие ботинки в магазине. Вечером муж увидел их и расцвел.

— Вот это другое дело! Теперь моя принцесса выглядит как надо, — сказал он и чмокнул меня в лоб, как собачонку.

Затем из кармана достал золотые сережки с бриллиантами и вручил их мне с поцелуем.

— Прости, что накричал — просто переживаю за нашу репутацию.

Слеза сама собой покатилась по щеке, но я быстро стерла ее уголком одеяла.

Я вспомнила о маме. Мне так захотелось прижаться к ней, чтобы снова ощутить ее тепло. Но ее не стало два года назад. Когда она лежала в реанимации в Самаре, папа звонил каждый день, умолял приехать попрощаться — врачи давали ей не больше недели.

— Мне нужно к маме. Она умирает, — сказала я тогда мужу.

— Понимаю, дорогая, — он сочувственно кивнул. — Но у меня в субботу встреча с инвестором.

— Я на два дня всего...

— Милая, ты же понимаешь, я не могу отменить сделку, от нее зависит наше будущее. А тебе не с кем оставить детей.

— Но Сережа, это же... моя мама... — заплакала я и стала умолять отпустить меня.

В этот момент выражение его лица изменилось. Он встал, схватил меня за плечи и прижал к стене так сильно, что я едва могла дышать.

— Если из-за твоих капризов я потеряю этот контракт, ты об этом пожалеешь.

Мама умерла в понедельник, так и не дождавшись меня. Папа не смог простить меня за это. А «важная» встреча отменилась только потому, что инвестор заболел. Я понимала: это не вина Сережи. Зато я была рядом с детьми, когда им была нужна мама.

— Видишь, какая ты хорошая мама? Я тобой горжусь, — сказал он тогда, и в его глазах была такая нежность, когда он вручал мне сертификат в книжный и мои любимые макаруны из французской кондитерской.

Громкий храп мужа вернул меня в реальность, и я почувствовала, что подушка промокла от слез. Завтра снова будет обычный день — завтрак, работа, дети, ужин и эта осторожная игра в выживание. Но впервые за несколько лет я засыпала с крохотной искоркой надежды на спасение.

Глава 3. «Идеальный сын» (Олег)

Воскресный семейный обед у родителей — традиция, от которой никто не смел уклоняться. После той странной встречи с Аней в парке я ехал туда с особым рвением. Мне нужно было внимательно понаблюдать за Сережиными домочадцами, найти подтверждение или опровержение тем сомнениям, которые посеяла во мне дурацкая записка.

И вот я уже стоял у родительской квартиры. Дверь открыла мать в цветочном фартуке.

— Олежка! А я уж думала, не приедешь. Сережа с семьей уже час как здесь.

Родители всегда относились к нам по-разному. Не то чтобы меня обделяли вниманием, но радость за достижения брата будто была немного ярче. Сережа — первенец, долгожданный сын, который оправдал все их ожидания. Меня хвалили за хорошие оценки по физике, за то, что помогал отцу чинить машину, за аккуратность. А Сережу — за проявления лидерских качеств, за то, что он «настоящий мужчина», за успехи, которыми можно похвастаться перед соседями.

Войдя на кухню, я почувствовал потрясающий запах жареной курицы и фирменного маминого пирога с яблоками. Сергей сидел во главе стола в белой рубашке, рядом примостилась Аня, низко опустив голову, и резала хлеб детям. Вика и Артем сосредоточено жевали курицу.

— О, явился. — Брат поднял голову от тарелки. Голос был ровный, но глаза такие холодные, что мне стало не по себе.

— А мы уж думали, не захотел к родителям ехать.

— Работа задержала, — ответил я, садясь на свободный стул.

— Да какая у тебя работа в выходные, — засмеялся отец.

— Это Сережа круглосуточно на телефоне.

— Чертежи правил...

— Бизнес не ждет, — перебил брат. — Вот вчера с заказчиком говорил до одиннадцати вечера. Хочет изменения в проект внести. А сроки поджимают.

— Ну и что, внесешь? — спросила мать.

— Конечно. Клиент платит — мы делаем. Только теперь придется рабочих в две смены ставить.

Он рассказывал спокойно, обстоятельно, но ни разу не посмотрел в мою сторону. Играл роль образцового сына при родителях.

— А у Олега как дела? — спросил отец. — На заводе-то как?

— Да нормально. Новый лайнер проектируем.

— Пассажирский?

— Грузовой. Для дальних перевозок.

— Ишь ты, — отец оживился. — И какая грузоподъемность?

— До ста восьмидесяти тонн. Если все получится.

Сергей хмыкнул.

— Если получится. А если не получится?

— Тогда будем другой проектировать, — ответил я, не понимая претензии.

— Удобно. Ошибся в расчетах — ничего страшного, попробуем еще раз. А у меня каждая ошибка в деньги выливается. Реальные деньги.

— Сережа, не зли брата, — одернула мать. — У каждого своя работа.

— Я не злю. Просто говорю, как есть.

Анна за весь разговор не сказала ни слова. Только периодически поправляла детям салфетки на груди и резала мясо на кусочки. Двигалась осторожно, как будто боялась привлечь внимание. Когда она потянулась за солонкой, рукав кофты немного задрался, и я заметил желтое пятно на запястье похожее на старый синяк.

— Анечка, а у тебя как дела на работе? — обратилась к ней мать.

— Хорошо, спасибо.

— А зарплату повысили? — поинтересовался отец.

— Нет, пока нет, — смущенно ответила Аня.

— А что повышать-то? — вмешался Сережа. — Там и так работы кот наплакал.

— Но Ане нравится, — заступилась мать.

— Нравится — пусть работает, кто запрещает-то? — хмыкнул Сережа. — Только серьезным делом это назвать сложно.

Аня съежилась еще больше, а я почувствовал, как закипаю изнутри. Вот так он ее и унижает — постоянно, при свидетелях.

— А что, по-твоему, серьезное дело? — не удержался я. Сергей наконец посмотрел на меня прямо.

— То, что деньги приносит. Настоящие деньги. На которые семью содержать можно.

— Не все деньгами меряется.

— Да? А чем тогда? — он снова усмехнулся. — Красивыми словами? Высокими идеалами?

— Хватит вам, — вмешался отец. — За столом не ругаются.

— Мы не ругаемся, пап, — сказал брат. — Просто обсуждаем жизненные приоритеты.

Он снова переключился на родителей, стал рассказывать про планы на лето. Образцовый муж и отец собирается везти семью в Турцию, присматривает отель, изучает программы для детей.

А я смотрел на Аню. Она кивала в нужных местах, улыбалась, когда требовалось, но глаза оставались пустыми. Как будто она физически присутствует, а духом где-то далеко.

— Вика, а как дела в школе? — спросила мать внучку. — Учишься хорошо?

— Да, бабуля. Стараюсь.

— А какие оценки получаешь?

Девочка неуверенно посмотрела на отца.

— По-разному. Четверки, пятерки.

— Четверок, правда, что-то многовато, — заметил Сергей. — В нашей семье принято учиться на отлично.

— Я стараюсь, папа.

— Значит, мало стараешься.

Вика опустила голову. Ей восемь лет, а она уже знает, что отцу никогда не угодишь.

— Сережа, прекрати! — заступилась мать и прижала к себе Вику. — Ребенок же. Главное, что старается.

— Именно потому что ребенок, нужно правильные установки закладывать. Привыкнет к четверкам — так и будет среднячком всю жизнь.

— Артемка, а как в садике? — спросил дедушка и подложил ему на тарелку еще картофельного пюре.

— Хорошо, дедуля.

— А что там делаете? Играете?

— Да. И рисуем еще.

— А что рисуете?

— Всякое-разное, — быстро ответил Артем и больше ничего говорить не стал.

— Артемка у нас последнее время стал очень скромным, — пояснил Сергей. — Не любит хвалиться.

«Или просто боится лишнее слово сказать», — подумал я.

После обеда мать подала чай с пирогом. Брат расслабился и принялся рассказывать анекдоты.

Тут случилось неприятное происшествие. Артем, потя-

нувшись за куском пирога, задел чашку с чаем. Горячая жидкость пролилась на скатерть.

Повисла тишина.

— Ой! — мать кинулась за тряпкой. — Не страшно, мой хороший.

А я смотрел на лицо брата. Оно побагровело, когда он медленно повернулся к сыну. Но тут же взял себя в руки.

— Аккуратнее, сынок.

Артем же съежился, как будто ждал удара. Мне хотелось подбежать к нему, обнять, сказать, что все в порядке. Но понимал, что любое мое движение только навредит. Аня схватила салфетки и начала судорожно вытирать стол.

— Простите, сейчас все уберу.

— Да брось ты, Анечка, — удивилась мать. — Скатерть отстирается.

— Нет-нет, лучше сразу. А то вьестся.

Ее руки дрожали. А пятилетний Артем сидел, готовый расплакаться то ли от досады, то ли от страха.

— Все в порядке, дорогая, — мягко сказал брат, опустив руку на плечо жены и силой усадив обратно на стул. — Додай пирог.

Вскоре Сергей стал собираться.

— Ну что, нам пора. Завтра рабочий день, детям рано вставать.

— Как жаль, что вы уезжаете, — расстроилась мать.

— Ничего, увидимся в следующее воскресенье. — Он об-

нял родителей. — Спасибо за обед.

Потом демонстративно поцеловал жену в висок.

— Моя красавица.

И погладил детей по головам, приговаривая:

— Мои сокровища.

На прощание посмотрел на меня.

— Олег, надеюсь, ты тоже скоро обзаведешься семьей.

Поймешь тогда, что такое ответственность.

— Ты о чем? — спросил я, но не получил ответа.

Когда за ними закрылась дверь, мать вздохнула.

— Какие же прелестные ребята.

Мы вернулись на кухню и принялись убирать со стола.

Мне не понравилась реакция брата на поведение Ани и детей. Положив очередную тарелку в раковину, я решил проверить свои подозрения. Если родители тоже что-то заметили, значит, я не параноик.

— Мам, а тебе не показалось странным, как они себя ведут? — осторожно начал я.

— В каком смысле?

— Ну... дети какие-то напряженные. И Аня тоже.

— Дети как дети, — сказал отец. — Воспитанные, старших уважают.

— Но уважение и страх — разные вещи.

Мать задумалась, вытирая руки полотенцем.

— О чем ты говоришь?

— Видел, как Артем испугался, когда чай пролил? И как

Аня засуетилась?

— Ну и что? Ребенок вину чувствует, а мама переживает за скатерть, — снова вмешался отец.

Я понял, что от мужской половины нашей семьи сочувствия не дождешься, и обратился к более эмпатичной ее части:

— Мам, а ты заметила синяк у нее на запястье?

— Какой синяк? — Мать нахмурилась.

— Когда она рукав закатывала, видно было. Желтое пятно.

— Да мало ли откуда синяки! — отмахнулась она.

— Мам, а может быть, внешне все выглядит хорошо, а на самом деле...

— На самом деле что? — Отец встал и строго посмотрел на меня. — Олег, я тебя не узнаю. Раньше ты никогда плохо о брате не говорил.

— Я и сейчас не хочу плохо говорить. Просто если им нужна помощь...

— Какая помощь? — Мать всплеснула руками. — От чего помощь? Сережа их любит, они его любят.

— Но дети...

— Что дети?! — отец повысил голос. — Дети как дети, воспитанные. Сережа против вседозволенности, это хорошо!

— А что, если они послушные не от воспитания, а от страха?

Мать побледнела и взмолилась:

— Олег, прекрати, мне становится плохо от таких разговоров. Я его мать и знаю своего сына, он на такое не способен! Еще раз повторяю: Сережа заботится о своей семье.

— Мам, можно заботиться и одновременно...

— Одновременно?.. — Отец снова сел, устало потер лицо. — Олег, я не понимаю, что с тобой происходит. У тебя самого жизнь не складывается — вот ты и...

— Что?

— Ищешь проблемы там, где их нет!

Тут я понял, что они не услышат меня. Их золотой мальчик не может так поступать со своей семьей.

— Ладно, — сказал я устало. — Забудьте то, что я говорил.

— Ну, нет уж. — Мать все еще всхлипывала. — Как можно забыть такое?

— Сын. — Отец положил руку мне на плечо. — Может, тебе к психологу сходить? А то мысли какие-то странные...

— Со мной все в порядке, пап.

— Тогда почему ты такие вещи думаешь?

— Потому что беспокоюсь...

— А не надо беспокоиться. — Мать взяла мою руку в свои. — Лучше о себе подумай. Женись, детей заведи. И только тогда ты поймешь своего брата.

— Может, и правда пора, — согласился отец. — А то вот сидишь один, думаешь всякое...

— Хорошо, — сказал я, вставая. — Мне пора домой.

Я оделся и вышел на улицу. Вечер был холодный, ветренный. Поразмыслив, я решил, что необходимо поговорить с братом. Конечно, про записку и встречу с Аней я упоминать не буду. Достав телефон, я набрал номер Сережи. В трубке прозвучали длинные гудки, потом громкое:

— Алло, что-то случилось?

— Серег. Еще раз привет! — быстро сказал я. — Ничего не случилось. Хотел предложить тебе встретиться на выходных. Смотаемся куда-нибудь за город, поговорим по душам, как в старые добрые?

Сергей рассмеялся.

— Ностальгия напала? А то все работа да работа.

— Вот именно.

— Ну что, хорошая идея, — радостно ответил Сережа.

— У меня во вторник подписание крупного контракта, а в субботу и отметим, и поболтаем.

Он согласился быстрее, чем я ожидал.

— Отлично. Где встретимся?

— Да я за тобой заеду.

— Договорились!

— До субботы!

Глава 4. «Попытка» (Олег)

Неделя пролетела незаметно. В субботу утром я неспешно принял душ, побрился и позавтракал. Сергей обещал приехать к десяти, но я был готов уже к половине девятого. Осень в этом году баловала — за окном кружились желтые листья, а солнце, пробиваясь сквозь тучи, обещало теплый день. Я сидел на кухне с чашкой кофе, задумавшись о чем-то бессмысленном.

Звук автомобильного сигнала под окнами прервал мои размышления.

Выглянув в окно, я увидел знакомую черную BMW. Брат стоял рядом с машиной, одетый в дорогую кожаную куртку и джинсы. Выглядел он, конечно, отлично — загорелый, подтянутый, уверенный в себе. Заметив меня в окне, помахал рукой.

— Олежка! — крикнул он, когда я спустился. — Давно не виделись!

— Привет, — ответил я, и он крепко обнял меня.

От него пахло дорогим одеколоном. Крепкие объятия, похлопывания по спине навеяли воспоминания о детстве, когда он возвращался из летнего лагеря, а я бежал встречать его. Но теперь я знал, что эти же объятия могут быть совсем другими.

— Как дела, братишка? — Сергей отстранился и внима-

тельно посмотрел на меня. — Бледноват что-то. Авитаминоз?

— Да нормально все. Работа, знаешь, заедает.

— Понял. Извини, что наехал на тебя у родителей, с заказчиком проблемы были. — Он открыл дверь машины. — Садись, покатаемся.

На приборной панели я увидел фотографию: Сергей держит Артема на плечах, Анна с Викторией кормят уток в парке.

— Красивое фото, — заметил я.

— Да, в Сокольниках снимали, — ответил брат и завел машину. — Детям там нравится — и покормить есть кого, и на аттракционах покататься.

В его голосе звучала нежность, гордость. Неужели этот человек способен на жестокость?

Мы выехали из города, и Сергей включил музыку — что-то спокойное, инструментальное. За окнами мелькали серые многоэтажки, потом начались пригородные леса.

— Как настроение? — спросил я.

— Отличное! — Сергей улыбнулся. — Вчера контракт подписал на три миллиона. Два месяца вел переговоры, уже думал, сорвется, а в итоге — все получилось.

Он рассказывал о новом контракте, о том, как долго уговаривал заказчика, какие подводные камни обнаружились в процессе. А я слушал и думал: когда же перейти к главному вопросу?

— Слушай, Серег, как ты вообще справляешься? — спро-

сил я, когда он закончил рассказывать про работу. — У тебя же постоянно какая-то жесьть: то рабочие напорчат, то заказчик кинет...

— Да уж, весело живем, — усмехнулся он. — Вчера про- раб звонит: мол, плитку не ту привезли. А завтра сдавать объект. Хочется иногда всех послать и в лес уехать, вот в этот.

Сергей ткнул пальцем в окно.

— И как выкручиваешься?

— По-разному. Кого-то рублем, кого-то добрым словом заставляю делать то, что нужно. А кого-то и не очень добрым, — выдохнул он и властным голосом добавил: — Знаешь, тут главное показать, кто тут хозяин. Иначе на голову сядут.

Я осторожно повел разговор в нужную сторону:

— А дома как справляешься? Семья ведь тоже требует внимания, а ты весь день на объектах...

— Ну, привык уже. — Он перестроился на левую полосу, обогнав медленную фуру. — Хотя иногда, конечно, нервы не выдерживают. Особенно когда приходишь усталый, а дома беспорядок, дети орут, еще и жена с претензиями.

— Понимаю. А дети что, не слушаются?

— Нет, с этим у них обычно все в порядке. Вика умница: учится хорошо, помогает маме. А Артемка... сын маленький еще, но тоже старается, — сказал он с теплом. — Правда, иногда приходится строгость проявлять. Без дисциплины

никуда.

— Строгость — это как?

Сергей посмотрел на меня.

— Вот будут у тебя дети — поймешь. Все то же самое, что на работе: нужно показать, кто главный в доме.

В его словах не было агрессии, но что-то кольнуло меня неприятно. «Показать, кто главный» — значит «раздавать тумаки направо и налево»?

— Наверное, трудно найти баланс между строгостью и лаской, — сказал я со смешком.

— Еще как! Особенно с женами, — усмехнулся брат, и я понял, что попал с вопросом. — Они все чересчур эмоционально воспринимают. Скажешь что-то строго — сразу слезы, обиды. Но семью нужно держать в ежовых рукавицах, понимаешь?

Я понимающе кивнул, но внутри все сжалось. Догадки подтверждались.

За окнами потянулись поля, перелески. Дорога была свободная, Сергей расслабился, говорил откровенно. Может быть, сейчас самое время задать более прямой вопрос?

— Серег, а ты никогда не чувствуешь, что слишком строг с семьей? — спросил я, стараясь говорить как можно естественнее.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Что значит «слишком строг»? Я же не тиран какой-то. Просто требую порядка и уважения.

— Да нет, я не то имел в виду. Просто... знаешь, иногда в стрессе можно и перегнуть палку. Накричать, например.

— Ну, кричу иногда. А кто не кричит? — Сергей пожал плечами. — Главное не переходить границы.

— А какие границы?

Этот вопрос прозвучал слишком прямо, и я укорил себя за несдержанность. Сергей нахмурился.

— Что за странные вопросы? Ты вообще о чем?

— Да просто интересно, — я попытался отшутиться. — Думаю о семейной жизни, хочу разобраться, как это работает. Ты же опытнее.

— Ясно. — Лицо брата прояснилось. — Ну, слушай: основное в семье — это уважение. Жена должна уважать мужа, дети — родителей. А для этого нужна дисциплина.

— А если дисциплина не помогает?

— Тогда приходится принимать более серьезные меры, — в его голосе появились стальные нотки. — Но это уже крайний случай.

«Более серьезные меры», — повторил я мысленно. Так я из него ничего по делу не вытяну.

Мы ехали молча несколько минут. Брат сделал музыку громче, и я понял, что разговор на эту тему он считает законченным.

Но мне нужно было узнать больше.

— Голодный? — спросил Сережа, когда мы проехали в тишине чуть больше получаса. — Там впереди кафе непло-

хое, можно перекусить.

Я кивнул, хотя есть не хотелось. Желудок сжало от нервного напряжения.

Кафе оказалось маленьким, уютным заведением в стиле русской избы. Деревянные столы, лавки, на стенах — предметы старинного быта. Мы заказали шашлык и морс.

— Хорошее место, — заметил я.

— Да, я сюда частенько езжу. Когда надо отдохнуть от городской суеты. — Сергей отпил морс. — Иногда и с семьей приезжаем. Дети любят здесь бывать.

— Ане тоже нравится? — спросил я, стараясь говорить небрежно.

— Ей везде хорошо. — Сергей довольно резко отрезал кусок шашлыка. — Характер спокойный, не капризничает.

— А зарплата у библиотекарей как? — решил я сменить тему.

— Двадцать пять тысяч за неполный рабочий день, — он хмыкнул. — Но ей хватает. Основные траты-то я на себя беру.

— А ей никогда не хотелось сменить профессию? Насколько я помню, она филолог, — спросил я, хлебнув из стакана.

Лицо брата чуть потемнело.

— Зачем ей что-то менять? У нее идеальное место: рядом с домом, работа до обеда, коллектив спокойный. Что еще нужно женщине?

— Но если теоретически она захотела бы чего-то другого...

— Перехочет, — твердо сказал он. — Анька — девушка разумная. Понимает, где хорошо.

Сергей отпил из стакана и посмотрел в окно на проезжающие машины.

— Да и детям нужна мама дома.

— А папа не нужен? Или дети тебя боятся?

Вопросы вылетели сам собой, и я тут же пожалел о сказанном.

— Боятся? — удивился брат. — С чего им меня бояться? Я же не чудовище. Если я требую послушания и уважения — это не значит, что я домашний тиран.

— Да нет, причем тут это?

— А что тогда? — в его глазах появилась настороженность. — Что-то странные у тебя сегодня вопросы.

Я понял, что хожу по острию ножа. Еще немного, и он заподозрит неладное.

— Просто размышляю о семейной жизни, — повторил я свою отговорку. — Думаю, не пора ли и мне жениться?

— А, понятно, — расслабился Сергей. — Тогда слушай мой совет: выбирай жену внимательно. Чтобы была покладистая, домашняя и детей любила. И чтобы понимала, что мужчина — глава семьи.

— Как твоя?

— Именно как моя, — он довольно кивнул.

Я предложил ехать обратно, сославшись на усталость.

По дороге к машине я решился на более прямой вопрос.

Время уходило, а я так и не получил четких ответов.

— Серег, а ты никогда не жалеешь, что у тебя такая... покорная жена?

— В каком смысле?

— Ну, может... хотелось бы больше характера, темперамента? Чтобы она могла тебе возразить, поспорить?

Сергей остановился, повернулся ко мне.

— Ты что, издеваешься? У меня на работе проблем хватает, дома должен быть покой.

— Но все же... иногда женщины имеют право на свое мнение...

— Имеют, конечно, — резко ответил он. — Но окончательное решение все равно за мужчиной. И если жена этого не понимает, ее нужно научить.

— Научить как?

— А сам как думаешь? — Он сел в машину, хлопнув дверцей. — Не всегда получается договориться.

«Это признание?» — подумал я.

— А с детьми тоже не всегда получается?

— С детьми — тем более. — Сергей завел машину. — В детстве закладывается характер.

— И что ты делаешь, когда не получается договориться? — выпалил я и сразу уточнил: — Ну... в смысле как формируешь характер?

Этот вопрос прозвучал слишком настойчиво. Сергей скривившись всмотрелся в меня:

— Что? Ты имеешь что-то против традиционных методов воспитания?

— Да нет, просто...

— Просто что? — голос брата стал ледяным.

Я понял, что попал. Но отступать было уже поздно.

Атмосфера в машине накалилась.

— Серег, я просто хочу понять... — начал я.

— Что понять? — Он резко повернул голову в мою сторону. — Говори уже!

— Ничего особенного. Просто интересуюсь...

— Врешь, — жестко парировал он. — У тебя сегодня все вопросы про одно и то же. Про то, как я с семьей обращаюсь.

Я попытался сохранить спокойствие.

— Я просто заметил, что Аня в последнее время какая-то... не такая, уставшая что ли.

— Уставшая? — Сергей усмехнулся. — Она работает четыре дня в неделю по шесть часов. От чего ей уставать?

— Может, от семейных забот...

— Да какие у нее заботы? Я все содержание беру на себя, она только домом немного занимается. Курорт, а не жизнь.

— Но все же... она выглядит напряженной. И дети тоже.

Сергей резко затормозил. Машины за нами загудели, из объезжающего нас авто кто-то показал нам средний палец. Он обернулся и нажал на педаль газа, машина полетела даль-

ше.

— Что значит «дети тоже»? — его лицо исказила злость.

— На что ты намекаешь?

— Ничего, просто они слишком уж тихие и послушные...

Особенно Артем, а он ведь пацан.

— И что в этом плохого? Лучше пусть будут тихие, чем как соседские отморозки, которые родителей не уважают.

— Конечно, но...

— Но что? — Он развернулся ко мне всем корпусом. — Говори прямо, что ты обо мне думаешь!

Я понял, что дальше скрывать бессмысленно. Он уже все понял.

— Серег, семья должна строиться на любви, а не на страхе, — сказал я тихо.

— На страхе? — Его глаза сузились. — Я не пойму, ты хочешь сказать, что моя семья меня боится?

— Я не говорил...

— Нет, сказал! — Он ударил ладонью о руль, разорвав тишину резким гудком. — Тебе дети пожаловались? Или Аня?

Мне стало страшно. Не за себя — за невестку. Если он поймет, что она мне проболталась...

— Никто не жаловался, — сказал я. — Это просто мои мысли!

— Твои мысли? — злобно рассмеялся брат. — У тебя своей семьи нет, зато в чужую нос суешь.

— Я не...

— Суешь! И знаешь что, братишка? Мне это не нравится.

Сергей резко свернул на обочину и заглушил двигатель.

Машины одна за одной пронеслись мимо, а внутри нашего BMW стало тихо и страшно.

Он повернулся ко мне, и я увидел в его глазах то, чего никогда раньше не видел — холодную, расчетливую ярость.

— Стоп-стоп-стоп. — Он наклонился ко мне. — Откуда у тебя вся эта муть про страхи и принуждение? Анька тебе что-то втирала?

Я попытался соврать:

— Да нет, откуда?..

— Не ври мне! — Голос стал жестким. — Я свою жену знаю. Только она могла пожаловаться.

— Серег...

— Молчи. — Он наклонился ко мне, и нос резануло запахом его одеколona. — Сейчас я тебе объясню кое-что очень простое.

Я сглотнул, не в силах отвести взгляд от его лица.

— Это МОЯ семья. — Каждое слово он произносил с нажимом. — МОЯ жена, МОИ дети, МОИ правила. И то, что происходит в МОЕМ доме, касается только меня.

— Но если они страдают...

— Они не страдают! — он повысил голос. — Они живут в достатке, в красивом доме, ни в чем не нуждаются. А если иногда приходится их воспитывать — это мое право и моя обязанность.

— Воспитывать — это не значит бить...

— А кто сказал, что я их бью? — в его глазах блеснула ярость. — Аня тебе рассказала эти сказки?

Я понял, что попал в ловушку. Если скажу «да» — он поймет, что она просила меня о помощи. Если же скажу «нет» — он просто не поверит. Так или иначе, Ане несдобровать.

— Она ничего не рассказывала, — повторил я.

— Тогда откуда у тебя эти мысли про страх и принуждение?

Я молчал, не зная, что ответить.

— Ясно. — Сергей откинулся на спинку сиденья. — Значит, все-таки наплела что-то.

— Серег, если у вас проблемы, можно же поговорить...

— Проблемы? — он рассмеялся. — У нас нет никаких проблем. Теперь есть только одна проблема — ты.

Он завел машину и резко выехал с обочины на дорогу.

— Запомни, Олег, — сказал он, не глядя на меня, — Если ты еще раз попытаешься в нее вмешаться — пожалеешь. Понял?

— Ты угрожаешь мне?

— Я предупреждаю, — холодно сказал он. — Это касается не только тебя. Я запрещаю вам с Аней обсуждать нашу семью.

Откровенно говоря, я испугался. Испугался больше не за себя, а за Аню и детей.

Мы ехали в полном молчании оставшийся путь до моего

дома. Я сидел, прижавшись к дверце, и думал о том, что натворил.

Когда мы подъехали к моему дому, Сергей не заглушил двигатель.

— Выходи, — сказал он коротко.

Я открыл дверь, но перед тем как выйти, повернулся к нему.

— Серег, мы же братья...

— Уже нет. — Он смотрел прямо перед собой. — Теперь ты для меня никто. И держись от моей семьи подальше.

Я вышел из машины, и он тут же рванул с места, даже не попрощавшись.

Я стоял на тротуаре и смотрел, как BMW скрывается за поворотом. Первые капли дождя упали на асфальт. Мда уж, переговорщик из меня так себе. Через секунду я осознал, что Ане прямо сейчас грозит опасность, и мне нужно предупредить ее. Я достал телефон и набрал ее номер, но в трубке раздались короткие гудки — телефон недоступен. Смс только усугубит ситуацию — Сергей наверняка проверит ее телефон. Я попытался дозвониться еще пару раз, но результат был тот же. Я ничем не мог ей помочь, и это чувство бессилия было невыносимым.

Глава 5. «Дети» (Олег)

После субботнего скандала с братом прошло четыре дня, в течение которых я несколько раз пытался дозвониться до Ани, но телефон был недоступен. Дважды я проходил мимо их дома, надеясь хоть мельком увидеть Аню или детей на площадке, но безуспешно. Четыре дня, в течение которых я не мог думать ни о чем другом, кроме слов брата. Работа шла из рук вон плохо — чертежи получались кривыми, расчеты не сходились. Обида на брата пожирала меня изнутри, хотя гораздо хуже было осознание того, что где-то рядом беззащитная женщина и двое маленьких детей живут в страхе, а я ничем не могу им помочь. Более того — теперь Ане наверняка стало еще хуже из-за моего вмешательства.

В среду, возвращаясь домой, я шел другой дорогой — через старый район, подальше от школы, где учились Вика и Артем. После разговора с Сережей я понимал: встреча с племянниками теперь исключена. Он наверняка запретил им даже здороваться со мной.

Но судьба, кажется, решила по-своему.

День выдался на редкость промозглым. Мокрые желтые листья шлепали под ногами, а в воздухе висела та особенная осенняя сырость, от которой хочется поскорее скрыться в теплой квартире. Я шел по тихой улочке мимо очередной девятиэтажки, как вдруг услышал знакомый голос:

— Вика, не плачь! Я найду!

Обернувшись, я увидел Артема, который ползал под скамейкой, а рядом стояла Вика с заплаканным лицом. На ней была школьная форма — темно-синяя юбка и белая блузка, уже успевшая помяться за день. Плащ она кинула на скамью, рюкзак валялся рядом, из него высыпались тетрадки, которые медленно намокали от мелкой изморози.

— Вика! Артем! — окликнул я их, не думая о последствиях.

Дети подняли головы, и в их глазах мелькнул испуг при виде меня.

— Дядя Олег? — неуверенно спросила Вика, вытирая глаза рукавом.

— Что случилось? Почему плачешь?

Артем вылез из-под скамейки с торжествующим видом.

— Нашел! — Он протянул сестре небольшую игрушку — пластмассового зайчика.

— Спасибо, — всхлипнула Вика и крепко прижала игрушку к себе.

Я присел рядом с ними на корточки, накидывая на Вику плащ.

— А что случилось с зайчиком? — Я осмотрелся вокруг, пытаюсь понять, есть ли кто-нибудь из взрослых рядом.

— Он выпал из рюкзака, — объяснила девочка. — А если бы папа увидел, что я его потеряла...

Она не договорила, но по ее лицу было понятно: послед-

ствия были бы неприятными.

Я посмотрел на детей внимательнее. Вика выглядела усталой, под глазами залегли тени. Артем держался рядом с сестрой, но я заметил, как он украдкой потирает глаза: видимо, хотел спать.

— А что вы здесь делаете одни? — спросил я, помогая собрать разбросанные тетради.

— Мы... мы из садика возвращались, — сказал Артем.

— А где мама?

Дети переглянулись.

— Мама на работе, — тихо ответила Вика. — Нас забрала тетя Таня, она в магазин отошла, сказала ждать ее тут.

— Что за тетя Таня?

— Соседка, — сказала Вика.

Я посмотрел на часы — половина пятого. Уже смеркалось. «Что за безответственная тетя Таня», — подумал я и набрал номер Ани, чтобы узнать подробности происходящего, но трубку она не взяла. Видимо, действительно занята на работе.

— Вы кто? Отойдите от детей! — крикнула полненькая женщина, выбегающая из продуктового на первом этаже.

— А вот и тетя Таня, верно? — спросил я.

— Да, а вы кто такой? — Женщина подошла ближе и внимательно посмотрела на меня.

— Это наш дядя Олег, — сказала Вика. — Брат нашего папы.

— А-а, замечательно, — расплылась в улыбке тетя Таня.

— Вы проводите их домой? Мне еще в хозяйственный нужно.

— Конечно, не беспокойтесь, — ответил я.

— До свидания, ребята! — бодро сказала она и засеменила в сторону другого магазина.

— Дядя Олег, — тихо сказал Артем, пряча руку за спиной, когда я протянул ему свою, — а папа сказал, что мы не должны с тобой разговаривать.

Чего и следовало ожидать.

— А почему папа так сказал? — осторожно поинтересовался я.

— Не знаю, — пожал плечами мальчик. — Сказал, что ты... плохо о нем думаешь.

Вика дернула брата за рукав.

— Молчи!

— Почему? — удивился Артем.

— Потому что... — она запнулась, не зная, как объяснить это брату.

Я понял, что дети живут по особым правилам, где безопасность важнее честности.

— Послушайте, — мягко сказал я, — я не хочу, чтобы у вас были неприятности с папой. Но вы замерзли, и уже темно. Давайте я хотя бы провожу вас до дома?

— А ты не скажешь папе, что мы с тобой говорили? — встревожилась Вика.

— Не скажу, — пообещал я.

— А маме?

— И маме не скажу.

Дети снова переглянулись — какой-то быстрый понимающий взгляд.

— Ладно, — согласилась Вика. — Но только до дома.

Я взял у Вики рюкзак — он оказался действительно тяжелым. Как эта маленькая девочка вообще могла его нести? Артем сразу же схватил меня за свободную руку, а племянница пошла рядом, явно обрадованная тем, что избавилась от груза.

Идти было минут пятнадцать. Сначала дети молчали, но постепенно начали оттаивать.

— А ты не злой? — вдруг спросил Артем, доверчиво взяв меня за руку.

— Нет, — улыбнулся я. — А разве я выгляжу злым?

— Нет, — покачал головой мальчик. — Ты похож на доброго дядю из сказки.

— Артем, не болтай, — одернула его Вика, но без злости.

— А что, нельзя говорить, что дядя добрый?

— Можно, — вздохнула сестра. — Просто... просто не все можно говорить вслух.

— Вика, — осторожно спросил я, — а почему нельзя все говорить вслух?

Она задумалась и замолчала ненадолго.

— Потому что родители могут расстроиться. И тогда бу-

дет плохо.

— А что значит «будет плохо»? — мягко спросил я.

Девочка пожала плечами.

— Ну... будет шумно. А потом...

— А вам не нравится, когда шумно? — спросил я.

— Шум — это плохо, — серьезно ответил Артем.

— Даже если это веселый шум?

Дети переглянулись с недоумением.

— Но шум не бывает веселым, — сказала Вика.

— Как же это не бывает? — улыбнулся я. — А когда люди радуются чему-то, смеются?

Никто из племянников не ответил.

— Дядя Олег, — вдруг сказала Вика, — хочешь посмотреть мой рисунок?

— Конечно.

Она помедлила, потом достала из кармана куртки сложенную бумажку.

— Смотри.

Я развернул листок. Это был обычный детский рисунок с изображением домика, солнышка, деревьев. На каждой из фигур была нарисована улыбающаяся мордочка.

— Красиво, — сказал я и вернул ей рисунок. — Ты у нас художница!

— Знаешь... — помедлила она и насупилась, — у меня совсем на рисование времени нет. Постоянно приходится уроки учить.

— Прям-таки постоянно?

— Постоянно! — Вика вскинула руки. — Я просто хочу рисовать, например... большой лес с животными!

— Вот как? — хохотнул я. — И больше ничего не делать?

— Ни-че-го, — отчеканила девочка с такой серьезностью, что я невольно усмехнулся.

Шли мы медленно, и Артем, которому наш разговор показался скучным, стал наворачивать вокруг нас круги, перепрыгивая через лужи. Я даже испугался, что, если он, не дай Бог, шлепнется, то получит за испачканную одежду от папаши еще больше.

— Артем, иди к нам, — позвал я мальчика. — А то поскользнешься.

Он послушно присоединился к нашей медленной прогулке, но я заметил, как внимательно он теперь смотрел под ноги, стараясь не наступить в грязь.

— А папа видел твои рисунки? — осторожно спросил я.

— Один разочек, — кивнула Вика. — Я нарисовала дом своей мечты и показала ему.

— Так, и что, похвалил он тебя?

— Сказал, что крыша кривая. И что трава не такого цвета.

— Что? А мне вот кажется, что трава может быть любого цвета.

— Правда? — удивилась Вика.

— Конечно, — улыбнулся я.

Артем засмеялся.

— Ага, тогда получается, и собака может быть, например... синей?

— Легко! — подбодрил я его. — Хочешь синюю собаку — рисуй синюю.

Мы уже почти дошли до дома, и я решил попробовать воздействовать на Аню через детей.

— Слушайте, а можете кое-что маме передать?

— Что? — спросила Вика и подняла на меня свои огромные глаза.

— Скажите ей, что, если вдруг понадобится помощь, она может мне позвонить. У нее есть мой номер.

— Какая помощь? — спросила Вика с детской непосредственностью.

— Помощь! — повторил Артем.

— Мало ли что может случиться? — пожал плечами я. — Сумки тяжелые донести, лампочку поменять. Я же рядом живу.

— Ну, хорошо, — кивнула Вика.

— И еще скажите, что дядя Олег думает — она очень хорошая мама. И что вам с ней повезло.

Вика вдруг сделала шаг ко мне и быстро обняла.

— Спасибо, что проводил. И что не рассказал про зайца.

Артем тоже кинулся обнимать.

— Пока, дядя Олег!

Они побежали к дому, обернулись, помахали рукой и исчезли в подъезде. А я побрел домой.

Через двадцать минут, сидя на кухне с чашкой чая, я размышлял о сегодняшней встрече. Хотя я и передал Ане добрые слова через племянников, спасти они ее не могли. Решив разобраться, какие вообще есть варианты им помочь, если невестка решится на развод, я притащил ноутбук из спальни и набрал в поисковике: «развод с детьми семейный кодекс».

Статья, на которую меня направила первая же ссылка, гласила: «Супруги вправе представить на рассмотрение суда соглашение о детях».

«Какое соглашение о детях? Он же вообще не даст ей развод», — подумал я и продолжил листать.

Прокручивая страницу, я видел только сухую юридическую терминологию про раздел имущества, алименты, определение места жительства детей, порядок общения с отдельно проживающим родителем. Ни один вариант не подходил. А если... «Лишение родительских прав», — вбил я в поисковую строку. Пробежал глазами статью и, создав на компьютере новый документ, скопировал выжимку.

«Родители могут быть лишены родительских прав, если они уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов; отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома; жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними...»

Но как это доказать? Нужны справки из больницы, сви-

детельские показания, фотографии травм. А у Ани есть все это? И готова ли она на такую войну?

Я перешел на форум «Разводы с детьми». Десятки историй от женщин, которые годами не могли решиться уйти от мужей-тиранов. Страница пестрила заголовками обсуждений: «Боюсь, что отберет детей», «У него деньги и связи», «Некуда идти с детьми».

Я нажал на первую тему — женщина написала: «Собирала доказательства два года. Записывала на диктофон его угрозы, фотографировала синяки, водила детей к психологу. В итоге суд оставил детей со мной, а бывший муж видит их раз в неделю под присмотром».

Два года подготовки. И то не факт, что получится. Я захлопнул ноутбук.

Тут пискнул телефон: сообщение. Я глянул на экран.

«Олег, завтра с утра нужно доделать чертежи по пятнадцатому проекту. Начальство торопит. Можешь подъехать пораньше?» — писала Светлана из отдела проектирования.

Я быстро набрал ответ: «Конечно. В семь буду».

Почти сразу пришел новый текст: «Спасибо! Кстати, если не занят, может, кофе выпьем после работы в пятницу?»

Я улыбнулся. Света... Высокая, стройная блондинка с короткой стрижкой и умными серыми глазами за тонкими очками. У нее были удивительно изящные руки — длинные пальцы с коротко подстриженными ногтями, без колец и браслетов. Когда она сосредоточенно изучала чертежи, она

очаровательно морщила лоб и покусывала кончик ручки. А когда что-то получалось, лицо озарялось такой искренней радостью, что я невольно тоже улыбался.

«Договорились. В кафе на первом этаже в шесть?» — написал я.

«Отлично. До завтра!» — ответила Света.

Я убрал сначала ноутбук, затем телефон и растянулся на кровати. За окном моросил дождь, и я подумал о том, что странно весь вечер думать о спасении женщины с детьми, а в итоге запланировать встречу с девушкой, которая мне потенциально нравится.

Глава 6. «Передышка» (Анна)

Я проводила Сережу до порога, изображая печаль по поводу его отъезда.

— Позвонишь, как долетишь?

— Конечно, дорогая. — Он поцеловал меня в щеку. — Береги себя и детей. Если денег на карте не хватит — напиши, я положу больше.

— Хорошо, любимый.

— И помни, если что-то случится, звони мне или родителям.

— Помню.

Дверь закрылась, и я прислонилась к ней спиной. Три дня. Целых три дня без его пристального взгляда, без необходимости отчитываться практически за каждый шаг, без вопросов: «где была?», «с кем говорила?», «почему так долго?».

— Мама, папа уехал? — Вика выглянула из детской.

— Да, солнышко.

— А... можно сегодня мультики смотреть во время завтрака?

Дома мы никогда не включали телевизор во время еды: Сережа считал это дурным тоном. «Когда я ем, я глух и нем», — повторял он.

— Можно, — сказала я, и дочка просияла так, словно я разрешила ей съесть мороженное на завтрак, обед и ужин.

Я поставила на плиту сковороду, достала яйца и молоко.

— Вика, сможешь маме приготовить омлет?

Девочка тут же прибежала и встала у тумбы.

— Отлично, закатаем рукава и разобьем яйца в миску, нальем молока. Вот так, отлично.

Мы неторопливо готовили завтрак. Артем, подпевая песенке из мультфильма, расставлял чашки. Наконец мы с Викой выложили омлет на тарелки и сели завтракать. Какое же это было прекрасное утро, всегда бы так. Когда Сережа уезжал в командировки, я брала отгулы на работе, чтобы передохнуть. Моя сменщица всегда была не прочь подзаработать, поэтому с удовольствием забрала мои смены и сегодня.

— Мам, а может, в парк ходим после сада? — предложил Артем, натягивая куртку.

— Хорошая идея, — откликнулась я.

Проводив детей, я медленно побрела по улице. Вместо привычного маршрута «дом-библиотека-дом» свернула к небольшой кофейне на углу. Уже месяц я проходила мимо нее, поглядывая на уютные столики у окна, но еще не заходила.

Какой внутри был потрясающий запах свежей выпечки! На витрине красовались круассаны с шоколадом, эклеры с заварным кремом, тирамису в стеклянных стаканчиках. Аппетитные макарены разных цветов — розовые, зеленые, желтые — лежали ровными рядами как маленькие произведения искусства

— Что будете заказывать? — спросила молодая бариста с дружелюбной улыбкой.

— Капучино, пожалуйста. Большой. И... — я изучила витрину, — круассан с шоколадом.

Сидя за столиком у окна, я неторопливо наслаждалась своим вторым завтраком. За стеклом накрапывал мелкий дождик, и прохожие торопливо раскрывали зонты. Мне нравилось за ними наблюдать. Вот женщина в красном плаще остановилась у витрины соседнего магазина, разглядывая осенние сапоги. Ее перекрыла маршрутка, водитель которой высунулся из окна, ругаясь с владельцем неправильно припаркованной машины. Бездомный рыжий кот перебежал дорогу перед этой самой маршруткой и нырнул под припаркованные автомобили. Прямо как я, когда соврала Олегу про записку.

Сережа, конечно, рассказал мне свою версию ссоры с братом. Причитал за ужином, неторопливо разрезая мясо и периодически поглядывая на меня. «Представляешь, Олег вздумал поучать меня, как семью воспитывать! Холостяк тридцати двух лет — и лезет с советами к семейному человеку, — он покачал головой, будто удивляясь человеческой глупости. — Пришлось расставить границы и потребовать не лезть в нашу семью». Чудом мне удалось убедить мужа в том, что я ничего не рассказывала Олегу о наших отношениях.

Из кофейни я не спешила домой. Прошлась по центральным улицам, заглянула в витрины магазинов. Зашла в книж-

ный магазин, полистала новинки. Проторчав у полок по меньшей мере сорок минут, я наконец купила роман любимой писательницы и направилась в уютный уголок для чтения. Устроившись в кресле, открыла книгу. История о молодой учительнице, которая приехала работать в маленький городок и встретила там загадочного доктора. Он был женат, но несчастлив в браке. Она — одинока, но полна надежд на новую жизнь. Между ними вспыхнуло чувство, которое они оба пытались подавить... Я отложила книгу. Слишком много совпадений с собственной жизнью, только наоборот. В романе героиня была свободна выбирать, а героя сдерживал долг. А в реальности...

Несколько минут я просидела, не сводя глаз со стеллажа с книгами и размышляя о своих никчемных попытках спастись от мужа. Я взяла телефон и набрала телефон Олега.

— Аня? — удивление в голосе Олега было искренним.

— Привет, — сказала я тихо. — Я... я знаю, что Сережа просил тебя не общаться с нами, но...

— Видимо, поэтому я не мог дозвониться до тебя. Как ты? Он спрашивал не жаловалась ли ты мне, я, конечно, ничего не сказал.

— Я в порядке, — быстро сказала я. — Олег, он в командировке до четверга. Можешь... можешь приехать вечером? Долгая пауза. Я слышала, как он дышит в трубку.

— А ты уверена? Если он узнает...

— Не узнает. Просто... мне нужно с кем-то поговорить.

А ты обещал помочь.

— Хорошо. Во сколько забирать детей?

— В пять заберу. К шести будем дома.

— Тогда приеду к половине седьмого.

Остаток рабочего дня я находилась в странном возбуждении. С одной стороны, скрывать встречи от мужа было неправильно — я чувствовала вину. С другой стороны, предвкушение разговора с Олегом согревало изнутри.

Забирая детей из школы и садика, я объяснила им:

— Сегодня к нам придет дядя Олег. Но это наш секрет. Папа сейчас в командировке, а когда вернется, не нужно рассказывать про гостей.

— Почему? — удивилась Вика.

— Потому что папа и дядя Олег немного поссорились. Взрослые иногда ссорятся, а потом мирятся. Но пока они не помирились, лучше не расстраивать папу.

Дети кивнули, хотя я видела, что они не все понимают. Но объяснить семейные сложности восьмилетнему и пятилетнему ребенку было непросто.

Дома я быстро прибралась, хотя квартира и так была в порядке. Поставила чайник, достала печенье — то самое, которое покупала детям и прятала от Сережи. Он считал конкретно эти магазинные сладости вредными.

Ровно в половине седьмого раздался звонок в дверь.

— Дядя Олег! — Артем бросился к нему, едва я открыла дверь.

— Привет, чемпион. — Олег поднял мальчика на руки, а затем обнял подбежавшую Вику. — Как дела?

— Хорошо! А ты нам что-то принес? — с детской непосредственностью спросила дочка.

— Вика, нехорошо так спрашивать, — смутилась я.

— Ничего страшного, — засмеялся Олег и показал пакет из магазина. — Горячий шоколад в пакетиках и печенье. Но сначала поужинаем.

— А мы с мамой приготовили для тебя ужин! — похвасталась дочь.

— Отлично, тогда быстро мыть руки! — громко сказал Олег и, рыча, как динозавр, стал щекотками гнать детей в ванную.

Дети радостно засуетились. Когда они с хохотом выходили из ванной, я заметила царапину на щеке Артема — вчера ее не было.

— Артем, что у тебя с лицом?

— Упал сегодня на площадке, — быстро ответил он.

— Заживет, — сказал Олег, аккуратно коснувшись детской щеки. — Мальчишки часто падают.

— А у тебя есть царапины? — спросил Артем.

— Есть. Вот здесь, на руке. — Олег задрал рукав и показал небольшой шрам. — Тоже упал, когда был маленьким.

— Больно?

— Сначала болело, а потом прошло. И у тебя пройдет.

Мы расселись за столом.

— Пахнет замечательно, — протянул Олег, принюхиваясь.

— Сосиски, макароны и много-много сыра, — перечислила с гордостью Вика. — Мама говорит, что это семейный рецепт.

— Вкуснее, чем в любом ресторане, — рассмеялся Олег, откусив сосиску.

После ужина мы взяли чай и печенье и устроились в гостиной на ковре. Артем стал показывать собранную из конструктора башню замка принцессы, а Вика, перебивая брата, подсовывала Олегу рисунок за рисунком, чтобы узнать его мнение.

— А это что за зверь? — спросил он, разглядывая одну из иллюстраций.

— Это единорог! — радостно объяснила дочка. — Он волшебный, исполняет желания.

— А какое желание ты бы загадала единорогу?

Вика задумалась.

— Чтобы все всегда были хорошие.

— Хорошее желание.

— А я бы попросил собаку, — сказал Артем. — Большую, пушистую. Чтобы с ней играть.

— Собака — это здорово. Но это большая ответственность.

— Я знаю, что ее надо кормить, гулять, играть!

— А родители разрешают завести собаку?

— Папа сказал, что собаки тащат домой грязь, — тихо ответила Вика.

— Понятно. А мама что думает? — Олег посмотрел на меня, но я отвела взгляд.

— Мама решает не все, — честно ответила я, хотя мне было стыдно в этом признаваться.

Оставив детей на полу с раскрасками и карандашами, мы с Олегом устроились на диване. Я поджала ноги под себя, держа в руках теплую чашку. Олег откинулся на спинку, но говорил тихо, чтобы не отвлекать детей от рисования.

— Ну, как дела? — спросил он, откусив печенье.

— Да нормально, — наблюдая, как Артем сосредоточенно выбирает нужный карандаш, я пожалала плечами. — Работа, дети, дом.

— А после нашего разговора с Сергеем все спокойно?

Я покрутила чашку в руках.

— Ты не должен был с ним говорить на эту тему, — процедила я и через секунду добавила: — Все нормально, вроде обошлось, но он теперь чаще спрашивает, где была, с кем говорила.

— Мам, каким цветом закрасить машину? — вмешался Артем, показывая альбом. — Синим или красным?

— Любым цветом, солнышко. Это твоя машина.

— Тогда красным! — радостно объявил он и снова занялся делом.

— Извини. Я не хотел сделать хуже, — сказал Олег.

— Дядя Олег, а давайте в лото играть! — предложила Вика, отложив карандаш. — У нас есть детское!

— Давай. А Артем будет?

— Буду! — Сын тут же бросил раскраску.

Я достала ярко-желтую коробку с игрой фруктовым лото.

Олег сел по-турецки на ковре, дети устроились рядом.

— Начинаем! — объявила Вика, доставая первую фишку.

— Вишня и персик!

— У меня есть вишня! — закричал Артем.

Игра шла весело. Дети кричали, находя картинки, а Олег подыгрывал им. Артем выиграл первый раунд.

— Я чемпион! — объявил он.

— Настоящий чемпион. Еще партию?

После двух игр я глянула на часы.

— Ладно, чемпионы, пора готовиться ко сну.

— Еще одну! — взмолился Артем.

— Поиграем в другой раз, — пообещал Олег.

Отправив детей чистить зубы, я попросила Олега прочитать им сказку на ночь. Правда, ни одна из сказок на их книжной полке не привлекла внимание деверя. Когда Артем и Вика улеглись, Олег спросил:

— Про что рассказать вам сказку?

— Про принцессу! — сказала Вика.

— Про рыцарей! — потребовал Артем.

— Тогда про принцессу и рыцаря, — решил Олег.

Он сел между кроватями и начал историю о храброй прин-

цессе, которая сама умела сражаться и подружилась с молодым рыцарем. Они искали волшебный кристалл. К середине сказки дети почти спали, Олег заметил это и замолчал. Вставая со стула, он услышал сонный голос Артема:

— А что было дальше? — сонно спросил Артем.

— Они нашли кристалл и спасли королевство. А сами стали лучшими друзьями. Засыпай, — тихо сказал Олег.

Когда дети заснули, мы тихо вышли из комнаты и прошли на кухню. Я поставила чайник. Он сел за стол, потягиваясь. Я же осталась стоять, опершись на тумбу.

— Олег, помнишь ту записку? — спросила я, закидывая чайные пакетики в чашки. — Я тогда соврала. Писала я.

— Понятно, — удивительно спокойно сказал Олег. — А почему соврала?

— Испугалась, — тихо ответила я.

— Хорошо, а что случилось в тот день, когда ты решила написать записку?

Я помолчала, вспоминая события двухнедельной давности.

— Вика очередной раз принесла четверку по математике. Сережа так разозлился, что вместо просьбы встать в угол, толкнул ее так сильно, что она упала и ударилась затылком о стену. — Мне стало плохо от этих воспоминаний, слезы подкатили к горлу. — Когда он попытался к ней подойти, я встала между ними, но он меня отшвырнул. Я тоже ударилась головой. Сережа помог Вике встать и отнес в комнату,

а меня оставил лежать... И я осознала, что так больше продолжаться не может.

Олег молчал, пока я наливала кипяток в кружки.

— Никто не должен терпеть такое, — наконец сказал он и сделал глоток чая.

— Артем стал себя вести, как отец.

— В каком смысле?

— Дерется в саду.

— Ну и что, все мальчишки дерутся.

— Я понимаю, но... — вспоминая последнюю жалобу воспитателя, я села напротив Олега. — Позавчера он пихнул девочку со словами: «Девчонки должны слушаться».

— Ух ты, — выдохнул он. — Серьезно.

— Вот так.

Несколько минут мы просто молчали.

— Ты что-нибудь собираешься с этим делать?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Я не знаю, что делать.

— Аня, ты должна уйти от него. — Олег наклонился ко мне, видимо, чтобы быть убедительнее.

— Мне некуда идти с двумя детьми. Отец отказался от меня после смерти матери.

— Я помогу тебе. Ты должна снять побои и подать на развод.

— Ты не понимаешь. — Я покачала головой. — Он отберет детей, а меня выставит сумасшедшей.

— Я не позволю ему это сделать. — Олег потянулся ко

мне через весь стол и положил свою ладонь на мою. — Мы что-нибудь придумаем.

Я отстранилась, осознавая, что на самом деле он не сможет мне ничем помочь.

— Мне пора, — сказал Олег, взглянув на часы. — Завтра на работу.

Я проводила его до дверей.

— Обещай, что позвонишь, если станет совсем плохо, — потребовал он, надевая ботинки.

— Обещаю, — улыбнулась я.

Я закрыла за ним дверь и вернулась в кухню. Взглянув на беспорядок, состоявший из невымытых кружек с остатками чая и следами от этих чашек на столе, я решила, что займусь им завтра. Сейчас же я очень хотела спать. Переодевшись в пижаму, я развалилась на нашей кровати и так громко выдохнула: «Как хорошо!». И сама испугалась своего голоса. Повернувшись на бок, я закрыла глаза, но сон не шел. Глупый мозг никак не мог избавить меня от мысли: «Какое будущее я хотела бы для своих детей?». Перебрав все варианты от психической забитости до социопатии и решив, наконец, что мне бы не хотелось ни того, ни другого, я уснула.

Глава 7. «Свидание» (Олег)

Стоя под горячим душем, я пытался смыть с себя не только усталость рабочего дня, но и навязчивые мысли о семье брата. Сегодня встреча со Светой, и я должен сосредоточиться на этом. Хотя после вечера с Аней и детьми не очень-то и хочется. Но невестка уверила меня, что после нашего с Сережей разговора с ней все хорошо, и я решил, что заслуживаю вечер в приятной компании. Сегодня утром моя коллега обрадовала меня, что забронировала столик в ресторане «Белуга» в самом центре Москвы. Я окончательно понял — это настоящее свидание.

Выйдя из ванной, я открыл шкаф и уставился на висящую там одежду. Что надеть на первое свидание? Костюм — слишком официально. Джинсы с футболкой — слишком просто. Остановился на темных брюках и светло-голубой рубашке: Света как-то сказала, что голубой цвет мне идет.

Пока я застегивал пуговицы, в голове крутился образ Светы. Она относилась к тому типу женщин, который одобрили бы родители — образованная, целеустремленная, из хорошей семьи.

— Пора бы уже остепениться, — сказал я своему отражению в зеркале, проводя рукой по подбородку. Щетина была в меру, волосы лежали как надо. Выглядел вполне прилично для своих лет. Я немного стеснялся своего возраста — в

тридцать два как-то поздновато начинать играть в романтику.

Брызнув немного одеколона, я взял ключи и телефон. На экране высветилось новое сообщение — от Светы: «Не опаздывай :)». Смайллик был милым, но почему-то не вызвал улыбки. Наверное, просто волнуюсь, меня одолевало странное ощущение, будто я собираюсь на важную деловую встречу, а не на свидание.

Проверив, заперта ли дверь, я спустился к машине. За рулем включил радио — играла какая-то романтическая песня. Самое то для создания настроения.

«Что со мной не так?» — подумал я, выезжая со двора. Света красивая, умная, у нас много общего. Она явно заинтересована — иначе не предложила бы встретиться. Все складывается идеально. Так почему же внутри какая-то пустота?

Пятничные пробки в центре были, как всегда, ужасными. Поток машин медленно полз по вечерней Москве, и по мере приближения к месту назначения я нервничал все больше. Когда в последний раз был на свидании? Месяцев восемь назад. А может, и больше.

Что вообще говорят на первых свиданиях? О работе скучно. О семье — тем более. О хобби? Какие у меня хобби? Телек по вечерам и редкие походы в спортзал.

Светофор переключился на красный, и я остановился, барабанив пальцами по рулю. Может, зря согласился? Света яв-

но ждет чего-то большего, чем просто дружеский ужин. А я я даже не знаю, чего хочу сам.

Что интересует женщин? Планы на будущее? У меня их особо нет. Карьерные амбиции? Работаю инженером и доволен. Путешествия? Последний раз ездил в отпуск три года назад, в Сочи.

Поток тронулся, и я переключился на первую передачу. Может, Светлана ждет романтики? Цветы, комплименты, ухаживания? А я даже цветы не купил. Идиот.

Хотя она сама предложила встретиться. Значит, слишком сильно стараться не нужно? Или наоборот — именно поэтому нужно показать, что ценишь ее инициативу?

Женщины — загадка. Они хотят равноправия, но при этом ждут, что мужчина будет главным. Говорят, что внешность не важна, но на красивых засматриваются. Твердят про духовную близость, а потом жалуются, что партнер неромантичный.

Я посмотрел на часы — еще десять минут до ресторана. Может, заехать в цветочный магазин? Но не слишком ли это пафосно для первого свидания? А вдруг она подумает, что я слишком серьезно все воспринимаю?

— Так, спокойно, — сказал я себе вслух. — Это просто ужин с коллегой. Поговорите, поедите, разойдетесь по домам. Ничего сложного.

Но почему тогда руки потеют, а в желудке что-то сжимается? Наверное, потому что понимаю: если ничего не полу-

чится и с Светой, значит, проблема действительно во мне. И тогда придется признать, что так и останусь один.

Хотя сейчас, если честно, одиночество не кажется самой большой проблемой. Гораздо больше беспокоит то, что происходит в семье брата. Завтра Сергей вернется из командировки, и я не знаю, что это означает для Ани с детьми.

Светофор переключился на зеленый, и поток наконец тронулся. Я посмотрел на часы — еще десять минут до встречи. Самое время настроиться на нужный лад.

«Сегодня все будет по-другому», — пообещал я себе. Буду активным, интересным собеседником. Буду задавать вопросы, рассказывать забавные истории. Покажу Светлане, что я не серая мышь, а вполне достойный мужчина.

Я резко затормозил — чуть не въехал в остановившуюся впереди машину. Водитель показал мне неприличный жест, и я извинился, хотя он меня не слышал. Нужно сосредоточиться на дороге, а не витать в облаках.

Ресторан встретил мягким освещением и негромкой джазовой музыкой. За столиками сидели пары, неспешно ужинающие при свечах. Хостес проводил меня к столику, где уже ждала Света. Вид из окон ресторана на государственный исторический музей и Оружейную палату был великолепен.

Но я лишь мельком взглянул на него, а затем не мог отвести глаз от Светы. Я едва ее узнал. На работе она всегда выглядела строго — деловые костюмы, очки, волосы зачесаны назад. А сейчас передо мной сидела совершенно другая

женщина. Темно-синее платье подчеркивало фигуру, короткие волосы красиво уложены, макияж безупречный. Очков не было — видимо, надела линзы.

— Ого, — сказал я, подходя к столу. — Ты выглядишь потрясающе.

— Спасибо. — Она улыбнулась, вставая для приветственного поцелуя в щеку. — Ты тоже, но опаздываешь.

— Да нет, — я глянул на часы, — вовремя.

Света рассмеялась:

— Я сама только пришла.

Мы заказали красное вино для Светы и лимонад для меня. Я взял котлету из медведя с квашеной капустой, Света — форель.

— За встречу! — сказал я, и наши бокалы встретились с приятным звоном.

— Знаешь, — сказала она, сделав глоток вина, — я ведь совсем не умею отдыхать. Даже в свои законные выходные думаю о работе.

— Ну, с этим надо что-то делать.

— Меньше времени проводить за компьютером, — она улыбнулась. — Поэтому и предложила встретиться.

— А что любишь делать в свободное время? — задал я идеальный для первого свидания вопрос.

— Занимаюсь фитнесом, читаю. В основном, детективы. Встречаюсь с подругами, но они все либо замужем, либо помешаны на поиске мужа. — Света театрально закатила гла-

за. — Разговоры только про детей или про то, где найти нормального мужика.

— А ты не помешана на поисках?

— Нет. Считаю, что отношения либо случаются естественно, либо не случаются вообще.

Официант принес заказ. Я попытался сосредоточиться на разговоре, но мысли упорно уплывали к Ане и детям.

— Извини. Голова забита.

— Вижу. — Она слегка разочаровано отложила вилку. — Твой отстраненный вид мне не очень нравится, если честно.

— Извини, устал.

— Ладно. — Она продолжила есть и отрезала кусочек рыбы. — Какие у тебя планы на выходные?

— Да никаких, — признался я.

У меня действительно не было никаких планов. Я все время ждал звонка от Ани с просьбой срочно помочь или наоборот, радостным сообщением, что Сережа изменился и они снова счастливы.

— Хочешь, сходим завтра в театр? Там новый спектакль идет, критики хвалят.

Я не спешил соглашаться, поэтому просто спросил:

— А ты часто в театр ходишь?

— Вообще стараюсь минимум раз в месяц. Обожаю хорошие постановки. А ты любишь театр?

— Давненько не был. — Я равнодушно пожал плечами.

Официант подошел убрать пустые тарелки. Света заказа-

ла десерт, я попросил только кофе.

— Олег, в чем дело? — внезапно спросила она. — Ты за весь вечер пару раз всего на меня взглянул.

Я поднял глаза от стола. Она была права.

— Извини. Просто задумался.

— О чем?

— О разном.

— Хорошо, — твердо сказала Света. — Тогда либо мы дальше разговариваем нормально, либо я уйду.

Мне совсем не хотелось, чтобы она уходила. Было стыдно, что я не состояниии поддержать разговор, но бегство девушки со свидания — это унижительно.

— Извини, пожалуйста. — Я налил ей вина, не дождав-шись официанта, и поднял бокал с лимонадом. — За прекрасную девушку, которая вытасила меня вечером в пятницу в этот замечательный ресторан!

— Так-то лучше, — улыбнулась Света.

Как только мы выпили, официант принес Свете десерт.

— Не будем о грустном, — сказала она, пододвинув тарелку с медовиком поближе. — Как дела на личном фронте?

— Ты же сказала, что не хочешь о грустном, — рассмеялся я.

— Ну, ладно тебе, — отмахнулась Света. — Встречаешься с кем-нибудь?

— Нет.

— Совсем никого нет? Или просто ничего серьезного?

— Совсем никого, — подтвердил я.

— Очень странно, — поморщилась Света.

— Почему это?

— Ты же нормальный мужик — работа стабильная, квартира, машина — и никого нет?

— Никого нет, — вздохнул я, пожалуй, слишком грустно.

— Подозрительно! — заключила Света и съела еще кусочек пирога.

Мне оставалось лишь пожать плечами.

— Ну ладно, допустим, дело не в тебе. — Она запила медовик вином. — Что бывшая сказала, когда уходила от тебя?

Меня поразила ее пронизательность. Удивительная женщина.

— Что я эмоционально недоступный.

— Как женщины любят такие формулировки, — рассмеялась Света. — Эмоционально недоступный, не готов к отношениям, боится близости. Целый набор.

Я задумался, но не нашел, что ответить.

— Может, мне просто не везет.

— А может, ты не хочешь заморачиваться, — прямо сказала Света. — Одному же проще — никто не пилит, делаешь, что хочешь.

— При чем тут это?

— При том, что серьезные отношения — это работа. А многие мужики этого боятся.

— А ты тогда чего боишься, раз до сих пор одна?

Это было грубо, и я это знал. Но ее слова меня задели. Я был не из тех мужчин, чье эго задевала любая бытовая просьба женщины. К моему удивлению, Света ни капли не обиделась, а даже наоборот, оживилась.

— А я не по своей воле одна, — откровенно ответила она. — Просто мужчины попадаютса неподходящие. Кто-то только переспать хочет, кто-то маму ищет, кто-то вообще не понимает, чего хочет.

— А ты понимаешь?

— Конечно. Мне нужен партнер, а не мальчик на перевоспитание. Мы оба должны смотреть в одном направлении, а не гадать, что взбредет в голову одному из нас, а потом подстраиваться.

— Разумно.

— Потому что я разумная женщина, — улыбнулась Светлана. — И от мужчин того же требую.

Она посмотрела на меня оценивающе:

— Нам обоим за тридцать. Может, хватит ходить вокруг да около?

Вопрос застал врасплох. Она что, предлагает попробовать отношения прямо здесь и сейчас?

— Ты о чем?

— О том, что ты мне нравишься. И я тебе, судя по всему, тоже. Зачем притворяться?

Прямота Светы одновременно привлекала и смущала. Да, она мне нравилась. Но почему-то я не мог представить нас

вместе.

— Свет, я сейчас не в лучшей форме для отношений.

— Ладно, я поняла. — Света допила вино, повертела пустой бокал в руках и со звоном поставила его на стол. — У меня есть хороший психолог, специализируется на проблемах в отношениях.

— По-твоему, мне нужен психолог?

— Однозначно нужен, — твердо, но беззлобно ответила она. — Я сама к ней обращалась, когда с предыдущим парнем расставалась. Очень помогло.

— Так вот почему ты такая проработанная, — улыбнулся я.

Света достала телефон и отправила мне номер психолога. А я уже прикинул, кому он явно будет нужнее.

— Сходи к ней, разберись с головой. А потом, если я еще буду свободна, может, соглашусь на второе свидание, — сказала она, подзывая официанта. — Счет, пожалуйста.

Когда официант принес счет, Света потянулась к сумке, видимо, за кошельком, но я, как настоящий джентльмен, остановил ее.

— Я плачу, и это не обсуждается.

Она только улыбнулась и отложила сумку. Расплатившись, я помог ей одеться, и мы вышли на воздух.

— Подвезти тебя?

— Не откажусь, — согласилась Света.

Открыв ей дверь машины, я помог ей пристегнуться, и

только потом сел за руль.

— Куда едем?

— Сокольники, улица Короленко, дом двенадцать.

Я завел машину и включил обогрев сидений — вечер выдался холодный. По радио играла спокойная музыка, создавая уютную атмосферу.

— Хороший ресторан, — сказал я, выезжая на дорогу.

— Подруга посоветовала. Сказала, что там отличная кухня и романтическая обстановка.

— Прости, что был недостаточно романтичным. Даже цветов не принес.

— Ох! — иронично вздохнула Света. — Зато был честным.

Я специально ехал медленно, чтобы она могла насладиться вечерней Москвой.

— Красота, — прошептала она, когда мы выехали на Кремлевскую набережную.

Подъехав к ее дому, я заглушил двигатель и вышел, чтобы открыть ей дверь. Света удивленно посмотрела на меня.

— Спасибо, но я сама могу.

— Знаю, что можешь. Но, как видишь, я хорошо воспитан.

Проводив ее до подъезда, я дождался, пока она пришлет мне смс-ку, что она поднялась в квартиру и все хорошо.

Только после я сел в машину и поехал домой, думая о том, что упустил шанс на отношения с хорошей женщиной. И о

том, что почему-то не жалею об этом.

Глава 8. «Возвращение» (Анна)

Утром четверга я проснулась в половине седьмого от будильника и поняла, что больше не усну. Сережин самолет прилетал только вечером, но тревога уже одолевала меня. Я разгладила покрывало на нашей кровати, расправила подушки и поправила шторы в спальне. Детей будить только через час, поэтому я прошлась по всем поверхностям в квартире влажной тряпкой и проветрила. В ванной долго стояла перед зеркалом, репетируя улыбку: «Привет, любимый! Как встреча?» Голос казался фальшивым даже мне.

В ванной я внимательно осмотрела полочки. Мои кремы стояли в том же порядке, что и три дня назад? Зубные щетки висели правильно? Я даже понюхала полотенца — не пахнут ли мужским одеколоном? Хотя Олег заходил во вторник и даже не принимал душ.

Я провела рукой по волосам. Вечером перед сном я накрутила волосы на бигуди — локоны лежали мягкими волнами, как нравилось мужу. Лицо выглядело отдохнувшим, что было иронично — спала я плохо все три ночи.

«Главное — вести себя естественно», — напомнила я себе. Сережа чувствовал малейшую фальшь. Если я буду слишком радостной, скажет, что рада была его отсутствию. Если слишком сдержанной — не рада его приезду. Нужна золотая середина.

В половине восьмого я разбудила детей. Вика встала сразу, как всегда, а вот Артем канючил, не хотел просыпаться и просил еще пять минуточек.

— Вставай, соня, — я погладила его по спине. — Папа сегодня вернется, помнишь?

— А-а, папа! — Он резко сел в кровати. — А подарки привезет?

— Ты сначала в сад сходи и вечером узнаешь! — рассмеялась я.

За завтраком дети вели себя как обычно, но я заметила, как Артем подначивает сестру:

— Вика, а ты вчера двойку получила?

— Не получала я никакой двойки! — возмутилась она.

— Получила, получила, — дразнил Артем и ткнул ее локтем в бок. Вика вскрикнула и дала ему подзатыльник.

— Мама! Вика меня ударила! — завопил сын.

— Он меня первый толкнул!

— Достаточно! — одернула я их. — Собирайтесь!

И никого больше не трогать. Но Артем продолжал дразниться до самого порога. И только после нескольких замечаний он наконец замолчал.

По дороге в школу дочь молчала, а Артем переключился на возвращение отца и подарки и болтал без умолку.

— Мам, а правда, что папа в самолете летал? — спросил он, перепрыгивая через лужи.

— Конечно, правда.

— А высоко?

— Очень высоко, — отвечаю я, придерживая его за руку.

— Выше облаков.

— Класс! Тоже хочу!

Язвительное предложение Вики ездить только поездом привело к новой словесной перепалке между детьми.

— Прекратите немедленно! — зашипела я, разнимая их.

— Ведите себя прилично!

Выслушивая взаимные обвинения и жалобы, я дотащила детей до школы и сада. Боже, какое облегчение! Несколько часов тишины. Наверно, именно за это я любила свою работу — за тишину.

В библиотеке я пыталась сосредоточиться на работе. Но утреннее поведение Артема не давало мне покоя. «Что с ним? Кризис пяти лет?» — спрашивала я себя. Из размышлений о правильном воспитании детей меня выдернула Галина Ивановна, старший библиотекарь. Она заметила мое состояние.

— Что-то ты сегодня рассеянная. Муж когда прилетает?

— Вечером, — ответила я, поднимая стопку журналов, которую только что снесла бедром с тумбы. — К девяти будет дома.

— Соскучилась, небось? — Она подмигнула. — Три дня одна с детьми — это испытание.

— Да, соскучилась, — согласилась я, хотя это не совсем правда.

К обеду тревога только усилилась, руки совсем перестали слушаться. Галина Ивановна снисходительно отпустила меня пораньше.

— Иди-ка домой, — сказала она мне в два часа дня.

Я решила, что детей тоже можно забрать сегодня немного раньше. Когда я помогала Артему натянуть свитер, в раздевалку вошла Марина Викторовна. Она явно была чем-то расстроена.

— Анна Сергеевна, нам нужно поговорить, — тихо сказала она. — Сегодня у нас опять был инцидент.

— Что случилось? — спросила я скорее из вежливости. Я уже догадывалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.